

20. ВИРТУАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ: СУЩНОСТЬ, ЭВОЛЮЦИЯ И ВЛИЯНИЕ НА ФИНАНСОВУЮ СИСТЕМУ

*Езерский Е.И., Хвасько В.С., студенты гр. 334702
Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
г. Минск, Республика Беларусь*

Ермакова Е.В. – канд. экон. наук, доцент

В данной статье исследуется феномен виртуальных денег как продукта цифровой трансформации экономики. Определяются ключевые признаки и классификация виртуальных денег, проводится разграничение с понятиями электронных денег и цифровой валюты центральных банков. Прослежена эволюция от частных цифровых активов к институционализированным формам.

Глобальная финансовая система переживает период глубокой трансформации, движимой цифровизацией и технологическими инновациями. Одним из наиболее дискуссионных проявлений этой трансформации стало появление и распространение виртуальных денег – цифровых представлений стоимости, которые функционируют как средство обмена, расчетная единица и средство сбережения вне традиционной банковской системы. Актуальность исследования обусловлена растущим экономическим и социальным влиянием виртуальных денег, их проникновением в институциональную среду и неоднозначностью их восприятия в различных экономических школах. Проблема исследования заключается в отсутствии консенсуса относительно их места в финансовой системе, что порождает дискуссии о финансовой стабильности и эффективности монетарной политики. Цель данной работы – комплексный анализ природы, эволюции и многогранного воздействия виртуальных денег на современные экономические институты [1].

Для понимания сущности виртуальных денег необходимо четкое терминологическое разграничение. Виртуальные деньги представляют собой цифровую форму стоимости, которая эмитируется и контролируется частными разработчиками, используется среди членов определенного виртуального сообщества и может функционировать как платежное средство. Европейский центральный банк в своих ранних определениях подчеркивал их необязательный для приема характер и отсутствие статуса законного платежного средства. Ключевыми признаками виртуальных денег являются их исключительно цифровая природа, отсутствие эмитента, обязанного к погашению (в отличие от электронных денег, которые являются цифровым представлением фиатных валют и гарантированы банком), использование криптографии и распределенных реестров (блокчейн) для обеспечения безопасности и децентрализованного консенсуса, а также программируемость – возможность встраивания условий выполнения операций через смарт-контракты. Важно различать виртуальные деньги, электронные деньги как цифровую запись о праве требования к фиатному эмитенту и цифровую валюту центрального банка (CBDC), которая представляет собой цифровую форму национальной валюты, эмитируемую государством [2].

Классификация виртуальных денег может быть проведена по нескольким основаниям. По связи с реальным миром выделяют замкнутые, используемые исключительно внутри конкретной экосистемы (игровые золотые монеты, бонусные баллы), и открытые, конвертируемые в фиатные валюты и применяемые для расчетов между независимыми сторонами (криптовалюты). По степени централизации различают децентрализованные системы, где управление осуществляется через протокол и отсутствует единый контролирующий орган (например, Bitcoin), и централизованные, выпускаемые и поддерживаемые частной компанией, часто привязанные к реальному активу (стейблкоины типа USDT). По функциональному назначению можно выделить криптовалюты-расчетные единицы (Bitcoin как «цифровое золото»), платформенные токены (Ethereum для питания смарт-контрактов), стейблкоины (стабильные монеты, привязанные к фиату), токены-активы (security tokens), представляющие цифровые права на реальные активы, и нефунгибельные токены (NFT), удостоверяющие право на уникальные цифровые объекты [3].

Эволюция виртуальных денег прошла несколько этапов. Период с 2009 по 2013 годы стал временем зарождения и нишевого существования, когда запуск Bitcoin Сатоши Накамото как proof-of-concept пиринговой электронной наличности сопровождался ассоциациями преимущественно с теневой экономикой. В 2014-2017 годах началась дифференциация и рост рынка: появились альткойны с новыми функциями, такие как Ethereum, первые стейблкоины, а также начала формироваться биржевая инфраструктура [4, 5]. Этап 2018-2020 годов характеризовался институционализацией и зарождением децентрализованных финансов (DeFi): пришли институциональные инвесторы, запустились фьючерсы на криптовалюты на традиционных биржах, и на блокчейне стали создаваться альтернативные финансовые протоколы для кредитования и стейкинга. Наконец, с 2021 года по настоящее время наблюдается эра регулирования и активного развития CBDC: резкий рост рынка и последующая коррекция, банкротства

крупных централизованных игроков подстегнули регуляторные инициативы, а государства параллельно начали тестировать собственные цифровые валюты как ответ на вызов частных виртуальных денег [5]. К 2026 году эра регулирования достигла пика: капитализация крипторынка превысила 3 трлн долларов (падение на 60% с пика 2021-го), подстегнув FATF "Travel Rule" для KYC и CBDC-пилоты в 20+ странах. В СНГ Беларусь лидирует с крипто-дружественным Парком высоких технологий (оборот >5 млрд BYN в 2025-м), Россия тестирует ЦФА и стейблкоины по 259-ФЗ. Тренды: layer-2 (Polygon) и RWA-токенизация (недвижимость на блокчейне), рынок до 10 трлн \$ к 2030 (BCG) [6].

Влияние виртуальных денег на традиционную финансовую систему многогранно и проявляется на нескольких уровнях. В сфере платежных систем они предлагают возможность быстрых, дешевых и трансграничных переводов, бросая вызов устоявшимся системам вроде SWIFT, особенно в части скорости и стоимости транзакций. Что касается денежно-кредитной политики, хотя прямое влияние пока невелико из-за ограниченного масштаба рынка, потенциальные эффекты уже просматриваются: возможное снижение монополии центральных банков на эмиссию, ослабление трансмиссионного механизма процентных ставок и риск замещения национальной валюты в странах с высокой инфляцией, что получило название криптодолларизации. В контексте финансовой стабильности высокая волатильность криптоактивов и использование заемных средств в DeFi создают риски для инвесторов и могут генерировать потрясения, которые по своей природе напоминают традиционные финансовые кризисы, но развиваются с большей скоростью. Особенно ярко риски финансовой стабильности проявились в недавних событиях: крах FTX в ноябре 2022 года с потерей 8 миллиардов долларов клиентских средств привел к цепной реакции на традиционных рынках, вызвав падение Nasdaq на 5% и временное ужесточение ликвидности в банковском секторе США; аналогично, в 2025 году скандал с леввериджем в DeFi-протоколах вроде Euler Finance спровоцировал "ликвидаторские каскады", убытки которых превысили 1 миллиард долларов и эхом отозвались в волатильности акций BlackRock's Bitcoin ETF. В России и Беларуси регуляторы отреагировали экспериментами с цифровым рублем и белорусским "цифровым купоном", вводя ограничения на криптообменники по закону № 259-ФЗ (2024), чтобы минимизировать "крипто-контагиозность". Эти инциденты подчеркивают, как волатильность виртуальных активов, усиленная алгоритмической торговлей и низкой ликвидностью на малых рынках, ускоряет кризисы по сравнению с 2008 годом, где subprime-ипотека распространялась месяцами, а здесь – часами через глобальные биржи. С другой стороны, виртуальные деньги обладают значительным потенциалом для повышения финансовой доступности, позволяя лицам без банковских счетов в развивающихся странах подключаться к глобальной экономике через обычный смартфон и доступ в интернет, минуя дорогостоящую банковскую инфраструктуру [7, 8].

В заключении следует отметить, что виртуальные деньги эволюционировали из технологического эксперимента в значимый, хотя и все еще рискованный, сегмент глобальной финансовой архитектуры. Их ключевые характеристики – децентрализация, программируемость и глобальность – создают как возможности для повышения эффективности платежей и создания новых финансовых инструментов, так и серьезные вызовы для регуляторов в сфере финансовой стабильности и защиты потребителей. Дальнейшая траектория развития виртуальных денег будет определяться не только технологическим прогрессом, но и их способностью интегрироваться в существующую финансовую систему. Современный тренд указывает на постепенное сближение мира традиционных финансов и криптоактивов, где они будут сосуществовать с классическими инструментами и государственными цифровыми валютами, формируя более сложную, диверсифицированную и конкурентную финансовую экосистему будущего [9].

Список использованных источников:

1. Bank for International Settlements. Annual Economic Report. Chapter III. CBDCs: an opportunity for the monetary system. Basel: BIS, 2021.
2. Степанов А. А. Криптовалюты и их влияние на трансформацию финансовых систем // Human Progress. 2024. № 11. С. 90–95.
3. Анисимова Е. В., Козлов А. В. Влияние цифровых валют центральных банков (CBDC) на денежно-кредитную систему // European Social Science Journal. 2024. № 2. С. 325–340.
4. Иванова О. П. Электронные деньги. Мировой опыт и опыт Республики Беларусь : монография. Минск : БГУ, 2025. 180 с.
5. Декрет Президента Республики Беларусь №8 "О развитии цифровой экономики" от 21 декабря 2017 года.
6. Петров С. Н. Развитие криптовалют и их влияние на финансовую стабильность // Управленческий учет. 2023. № 4. С. 45–58.
7. Пашуто, В. П. Методическое пособие по курсу «Внеэкономическая деятельность» для студентов экономических специальностей БГУИР, 2002.
8. Григорьев В. А. Классификация цифровых активов: стейблкоины, DeFi и NFT // Финансовый журнал. 2025. № 3. С. 112–125.
9. Национальный банк Республики Беларусь. Концепция цифрового рубля в Беларуси : аналитический доклад. Минск: НБРБ, 2024.